

**РОДЖЕР МЭНВЕЛЛ, ГЕНРИХ
ФРЕНКЕЛЬ**

**ЗНАМЕНОСЕЦ
«ЧЕРНОГО ОРДЕНА».**

**БИОГРАФИЯ
РЕЙХСФЮРЕРА СС
ГИММЛЕРА.
1939-1945**

Генрих Френкель

**Знаменосец «Черного ордена».
Биография рейхсфюрера
СС Гиммлера. 1939-1945**

«Центрполиграф»

Френкель Г.

Знаменосец «Черного ордена». Биография рейхсфюрера СС Гиммлера. 1939-1945 / Г. Френкель — «Центрполиграф»,

Эта книга – первая и наиболее обстоятельная биография одной из самых зловещих фигур XX века – Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС, верховного руководителя всех служб германской полиции, создателя «Черного ордена», или войск СС. Он обладал огромной властью, но в конце войны потерял все – Гитлер лишил его всех должностей, узнав о сепаратных переговорах. Он не позволил судить себя и ушел из жизни сам.

Содержание

Введение	5
Глава I	9
Глава II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Генрих Френкель, Роджер Мэнвелл Знаменосец «Черного ордена». Биография рейхсмаршала Гимmlера. 1939—1945

Введение

Это биографическое исследование посвящено Генриху Гимmlеру – одному из главных сподвижников Гитлера, участвовавшему вместе с ним в создании Третьего рейха. Стремление осмыслить природу этого режима и поближе познакомиться с теми, кто стоял у его истоков, получило особенно широкое распространение именно в последние годы, когда Германия и весь мир наконец оправались от причиненного нацистами шока и вновь обрели способность смотреть на вещи непредвзято. Пока немцы осознавали себя как нацию, которая помогла Гитлеру прийти к власти и установить в стране современную форму тирании, другие европейские державы и США также не могли не задаться вопросом: в какой степени они сами способствовали укреплению гитлеровского режима?

Цель написания этой биографии, равно как и другой нашей книги «Июльский заговор», в которой исследуется сила и слабость германского Сопротивления, состоит в том, чтобы как можно полнее раскрыть характеры людей, способствовавших становлению нацизма как господствующей философии, и критически осмыслить все известные факты их биографий. Мы отвергаем упрощенную трактовку, представляющую Гитлера, Геринга, Геббельса и Гимmlера извергами рода человеческого. В популярной прессе их часто называют «чудовищами» или «монстрами», но эти термины, как бы отделяющие ненавистную четверку от обычных людей, служат главным образом для того, чтобы успокоить читателей. Не следует забывать, что на протяжении длительного периода времени эти «монстры» свободно вращались в германском и европейском обществе и точно так же, как и других политиков, дипломатов и военных, их любили или не любили, презирали или боялись, принимали или избегали. Нацистские лидеры, таким образом, не могут быть исключены из человеческого общества только потому, что теперь, по прошествии многих лет, их приятнее и удобнее рассматривать как каких-то «нелюдей». Тысячи мужчин и женщин, которые в свое время близко соприкасались с ними, были, по большей части, их убежденными последователями, добровольными и сознательными помощниками; что же касается влиятельных европейцев и американцев, которые либо активно поддерживали немецких нацистов, либо терпели их как неизбежное зло, в отношении которого бессмысленно применять силу, совсем недалеко ушли от тех, кто восторженно приветствовал своих вождей на улицах и площадях.

Как указывал Алан Буллок в своей великолепной биографии Гитлера, нацисты практически не имели политической философии; власть была для них чем– то, что необходимо завоевать во что бы то ни стало, невзирая ни на какие препятствия или соображения морального свойства. Действительно, в свое время Гитлер довольно беззастенчиво пользовался слабостями лидеров других стран и умело манипулировал ими, извлекая пользу даже из их слепой веры в ценности традиционной дипломатии, однако подобная неразборчивость в средствах нередко встречается и в других сферах человеческой деятельности. Можно даже сказать, что в период между 1933-м и 1938 годом именно абсолютная беспринципность Гитлера помогла ему завоевать восхищение и широкую поддержку как в Германии, так и за ее пределами.

Природу нацистского режима, как, впрочем, и реакцию на него в стране и в мире, можно легко объяснить, исходя непосредственно из характеров людей, его создававших. Это утверждение может считаться в той или иной степени верным в отношении всех когда-либо суще-

ствовавших политических систем, однако гитлеровский рейх имеет ту особенность, что ни один из известных в новейшей истории режимов не создавался так поспешно и так небрежно. Его политическая система и структура государственного управления складывались стихийно, формируясь под влиянием как индивидуальных причуд разных лидеров, так и скоропалительных, наполовину интуитивных решений, принимавшихся в условиях настоятельной необходимости устранить очередного конкурента. Таким образом, страдания и бедствия, которые обрушились на немцев и их соседей двадцать лет тому назад, были в значительной степени обусловлены индивидуальными особенностями личной психологии Гитлера и его сподвижников. Биографию одного из них мы и попытались воссоздать и исследовать.

Приступая к жизнеописанию Гимmlера, мы старались быть максимально объективными. Начали мы, как это принято, с детства и юности и подробно остановились на том, как он присоединился к нацистской партии. Особенно нас интересовал тот вклад, который Гимmlер внес в становление германского национал-социализма, тем более что, будучи вознесен на вершины власти, он не только в значительной степени повлиял на судьбу родной страны, но и стал главой собственной маленькой империи, существовавшей внутри созданного Гитлером рейха.

Мы утверждаем также, что двенадцать лет нацистского правления в Европе служат столь же явным предупреждением человечеству, что и взрывы атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Нацисты сами навлекли на себя возмездие своими преступлениями, однако слишком много людей поддерживало их тогда и слишком многие чтут их память сегодня, чтобы мир мог спать спокойно. Вот почему мы решили, что настало время рассказать биографию одного из вождей нацизма – рассказать без предубеждения и ложного пафоса, выяснить, что побудило Гимmlера вести себя тем или иным образом, а главное – показать, что общего есть у него со всеми нами, с такой готовностью заявляющими о ненависти к нацистским преступникам.

Весьма поучительным опытом явилась для Генриха Френкеля поездка в Германию, где он обсуждал действия и поступки или, наоборот, причины бездействия Гимmlера с теми, кто когда-то работал бок о бок с ним. При подготовке этой книги мы по возможности обращались к непосредственным свидетелям. Нам очень помогли дочь Гимmlера Гудрун и его брат Гебхардт, до сих пор сохранившие о нем самые теплые воспоминания. Им все еще трудно примирить в себе образ человека, которого они так хорошо знали, с укоренившимися в обществе представлениями о Гимmlере как о палаче и убийце миллионов. Тот же вопрос интересовал и нас, и мы в нашем исследовании попытались проанализировать эти две стороны характера нашего героя, чтобы понять, как этот простой, непритязательный в быту человек стал убежденным в своей правоте массовым убийцей.

Вклад Гимmlера в теорию и практику нацизма был вкладом добросовестного педанта, который всегда хотел быть солдатом, но в итоге стал полицейским. В конце войны Гимmlер, правда ненадолго, принял командование войсковыми соединениями, однако на этом поприще его ждал полный провал; сам он, впрочем, так не считал, поскольку последовавшая вскоре отставка носила вынужденный характер. Зато карьера Гимmlера как шефа германской тайной полиции была поистине триумфальной; пожалуй, можно даже утверждать, что наиболее полным практическим воплощением идей нацизма была именно репрессивная деятельность подчиненных Гимmlеру карательных организаций. Достаточно сказать, что во время войны самым надежным орудием тирании Гитлера стали СС и гестапо, а вовсе не армия, как иногда считают. С другой стороны, именно масштабы кампании по массовому уничтожению людей, начатой ради осуществления ложной мечты о расовой чистоте, которой были одержимы и сам Гимmlер, и его фюрер, сделали всю систему неуправляемой. В конце концов массовые убийства, совершаемые по непосредственным указаниям Гимmlера, уничтожили то, что он создавал всю свою жизнь. Фигурально выражаясь, можно сказать, что чудовище пожрало самое себя.

В причудливом сплетении соперничающих амбиций, постепенно изолировавших Гитлера в последний, маниакальный период его правления, власть Гимmlера носила характер наи-

более тайный, власть Геринга была наиболее бросающейся в глаза, а Геббельса – наиболее саморекламируемой. Геббельс вообще выступал как вечный организатор громких кампаний и почти не скрывал своего желания быть гражданским вождем Германии, куда Гитлер оставался ее военным лидером. Непостоянная, эгоцентричная натура рейхсминистра требовала постоянного появления на публике и потоков лести; быть центром всеобщего внимания, находиться во главе того или иного начинания доставляло ему ни с чем не сравнимое наслаждение. Больше всего ему хотелось быть признанным и Гитлером, и немецким народом в качестве второго человека в Третьем рейхе, незаменимым управляющим государством при Гитлере.

Что касалось Геринга, то постоянные неудачи люфтваффе, понемногу проигрывавшего борьбу за господство в воздухе, означали гибель его репутации воздушного аса-весельчака, самой популярной и колоритной фигуры среди всей нацистской верхушки. Подверженный резким перепадам настроения (в том числе и из-за пристрастия к наркотикам), он тоже чувствовал себя в высшей степени неуверенно и постоянно нуждался в самостимуляции. Геринг наслаждался получением бесконечных руководящих должностей от фюрера, которого одновременно и боготворил, и боялся, или обращался к своей коллекции произведений искусства, собранной им как благодаря частным подаркам, покупкам, так и с помощью обыкновенного грабежа, которая к концу войны оценивалась приблизительно в 30 миллионов английских фунтов. Несмотря на существенное охлаждение к нему Гитлера, Геринг до последних дней оставался номинальным преемником фюрера. Правда, после 1943 года реальная власть, которой он обладал, уменьшалась день ото дня, однако сам Геринг этого уже не замечал. Он слишком привык потакать своим слабостям и незаметно для себя оказывался все дальше и дальше от реальных вопросов военного строительства и управления экономикой.

Именно Гимmlеру – идеалисту без идеалов, самому нерешительному и в то же время самому педантичному человеку в нацистской иерархии, неуверенному в себе и, одновременно, воинственному и любящему власть – выпало сосредоточить в своих руках всю полноту тайной власти в нацистской Германии. Но для него это обернулось личной трагедией, ибо, любя власть, он оказался абсолютно не способен правильно ее использовать. Одно упоминание его имени внушало ужас миллионам людей, однако сам Гимmlер трепетал и утрачивал дар речи, если Гитлеру случалось распекал его за какое-то пустячное упущение или промах. Он обладал властными манерами, но под ними скрывалась обыкновенная трусость: в присутствии личностей более сильных или тех, от кого он зависел – будь то Гейдрих, Шелленберг или даже его личный массажист Феликс Керстен, который один был в состоянии справиться с приступами хронических желудочных колик, развившихся у Гимmlера на почве постоянного нервного стресса, – он сразу терялся и сникал. Все же к концу войны из всей нацистской верхушки именно Гимmlер сохранил у себя больше козырей, чем кто бы то ни было, и потому считался наиболее вероятным преемником Гитлера в случае его падения.

Чем больше узнаешь о характере и поступках этих людей, тем более удивительным кажется, что меньше четверти века назад они, находясь в подчинении только у Гитлера, были объединенными хозяевами Европы и самыми реальными претендентами на мировое господство. Однако факты именно таковы, и для нас разумнее всего будет рассматривать этот мрачный период как грозное предупреждение. В современном мире есть немало молодых государств и достаточно много старых народов, не обладающих ни достаточным опытом в первом случае, ни необходимым внутренним иммунитетом во втором, чтобы противостоять лидерам нацистского толка, если те попытаются силой или хитростью захватить власть. Таких людей не всегда легко распознать, а потом, как правило, бывает уже слишком поздно.

Именно поэтому цель, которую мы ставили перед собой, когда задумывали нашу книгу, состояла в том, чтобы выяснить, какими человеческими и деловыми качествами обладал Гимmlер, фактически – второй человек в Германии после Гитлера, а также те, кого он выбирал себе в помощники. Не меньше, а может быть, даже больше, чем объяснение успехов, важны

и интересны причины, приведшие его к краху. Всего за восемь лет Гимmlер прошел путь от полной безвестности до положения одного из властелинов Германии. Спустя каких-нибудь двенадцать лет он был мертв и полностью дискредитирован, и эта поистине удивительная история произошла не в какой-то волшебной сказке, не во времена беззакония и варварства, а в наши дни.

В период подготовки этой книги Генрих Френкель неоднократно посещал Германию. Он беседовал там со многими людьми, в том числе с видными деятелями СС и бывшими сотрудниками Гимmlера, которые просили не называть их имен. Наша задача облегчалась еще и благодаря тому, что Гимmlер, будучи человеком методичным и аккуратным, оставил после себя довольно много личных бумаг, официальной корреспонденции и секретных меморандумов, которые хранятся в указанных нами архивах. Немало новых фактов стало известно и из захваченных американскими военными документами, переданных недавно правительством США Германскому федеральному архиву в Кобленце. Эти и другие материалы были изучены нами, а их содержание помогло завершить нашу работу над портретом Гимmlера.

Хотя наша книга является первой подробной биографией Гимmlера, мы должны выразить огромную признательность Джералду Райтлингеру, чьи работы, касающиеся СС и истории уничтожения евреев в Европе (имеются в виду книги «Окончательное решение» и «СС»), оказались для нас поистине незаменимыми. Большим подспорьем в работе явилась для нас и книга Вилли Фришауэра, хотя она посвящена не столько Гимmlеру, сколько деятельности созданных им СС.

Мы также получили ценную помощь от дочери Гимmlера фрейлейн Гудрун Гимmlер, от его старшего брата Гебхардта Гимmlера, а также от бывшего генерала СС Карла Вольфа, отбывающего тюремное заключение в Мюнхене, где его несколько раз посетил Генрих Френкель. Среди других людей, предоставивших нам важную информацию, были гитлеровский министр финансов граф Шверин фон Крозиг, доктор Отто Штрассер, у которого на заре своего пребывания в нацистской партии Гимmlер работал в качестве помощника, доктор Вернер Бест, ставший в период Третьего рейха имперским комиссаром Дании, вдова одного из высокопоставленных руководителей СС фрау Лина Гейдрих, телохранитель Гимmlера Йозеф Кирмайер, одна из секретарш Гимmlера фрейлейн Дорис Менер, глава земельного суда доктор Рисс и полковник Зарадет (оба – бывшие товарищи Гимmlера по Мюнхенскому университету), доктор Отто Йон, вдова массажиста Гимmlера Феликса Керстена фрау Ирмгард Керстен, а также британские офицеры полковник Л.М. Мерфи и капитан Том Селвестер, отвечавшие за Гимmlера после его ареста. Мы также хотели бы поблагодарить за всестороннюю и щедрую помощь сотрудников филиала Венской библиотеки в Лондоне (в особенности фрау Ильзе Вольф), Германского федерального архива в Кобленце (и доктора Бобераха), Института современной истории в Мюнхене (и в особенности – доктора Хоха), Берлинского хранилища документов, Государственного института исторических документов в Амстердаме (и доктора де Йонга), а также персонал центра службы розыска Международного Красного Креста в Арользене (и доктора Буркхардта). В заключение мы хотим отдельно поблагодарить миссис М.Х. Питерс, взявшую на себя нелегкую работу по перепечатке рукописи этой книги.

Роджер Мэнвелл

Глава I

Непорочная юность

На рубеже веков тридцатипятилетний профессор, преподаватель гимназии Гебхардт Гимmlер был в Мюнхене весьма уважаемым человеком. Усердный и педантичный по характеру, он, однако, отлично понимал, что своим положением в обществе обязан покровительству баварского королевского дома Виттельсбахов. После окончания Мюнхенского университета, где Гимmlер-старший изучал филологию и языки, его назначили наставником принца Генриха Баварского, и только по окончании периода придворной службы он начал преподавать в Мюнхене.

Живя в ограниченном буржуазном мире, Гебхардт Гимmlер особенно кичился своей связью с королевским семейством. Вся обстановка в доме: массивная мебель, фамильные портреты, коллекция старинных монет и антиквариата – была отражением его серьезной респектабельной натуры и желания хоть чем-то выделиться из среднего класса, к которому он принадлежал. Отец Гебхардта был солдатом, всю жизнь провел в скитаниях и не сумел скопить никакой мало-мальски приличной суммы, которую мог бы оставить сыну, и только жена Гебхардта Анна, переехавшая в Мюнхен из Регенсбурга, принесла ему в качестве приданого скромную сумму денег, так как ее отец занимался коммерцией.

Седьмого октября 1900 года в комфортабельной квартире на третьем этаже дома на мюнхенской Хильдегардштрассе Анна Гимmlер родила своего второго сына¹. В семействе Гимmlеров это был уже второй ребенок. Первенца, появившегося на свет два года тому назад, назвали Гебхардтом в честь отца, но его младшего брата ожидала высокая честь быть названным именем самого принца Генриха, который любезно согласился стать крестным отцом ребенка своего старого наставника. Набросок письма, датированный 13 октября 1900 года и написанный безупречным, слегка наклонным почерком профессора, сохранился до наших дней; в нем он выражает надежду, что принц почтит семью своим присутствием и выпьет с ними бокал шампанского. «На второй день своего пребывания в этом мире, – пишет профессор, – наш маленький отпрыск весил семь фунтов и двести граммов»².

Воспитание братьев Гимmlер (третий сын, Эрнст, родился в декабре 1905 года) соответствовало традициям эпохи. При наличии отца-учителя типичное для немецких семей доминирование мужского начала становилось в их жизни все более заметным, особенно после того, как мальчики начали посещать школу в Ландсгуте – городке, куда семья переехала в 1913 году, когда профессор Гимmlер был назначен одним из директоров местной школы.

Ландсгут – это небольшой живописный городок милях в сорока к северо-востоку от Мюнхена, стоящий на берегах реки Изар. Старинный замок местного феодала и связанная с ним история усиливали растущий интерес юного Генриха к национальным традициям, семейным портретам и другим предметам из отцовской коллекции, благодаря которым связь их семьи с прошлым Германии как бы обретала вещественность, становилась наглядной. Профессор Гимmlер, делавший все, что было в его силах, чтобы воспитать в сыновьях серьезность и самодисциплину, обрел в его лице старательного и благодарного ученика; Генрих всегда оставался по-своему предан своим родителям и никогда не терял с ними связь.

Первая личная запись Генриха Гимmlера дошла до нас в виде фрагмента дневника, который он вел в Мюнхене в 1910 году. «Принял ванну, – писал он 22 июля. – Тринадцатая годовщина свадьбы моих дорогих родителей». В своем дневнике юный Генрих фиксирует мельчайшие подробности своей жизни – от ванны до прогулки – и всегда выказывает уважение к взрослым, неизменно предпосылая фамилии звание или титул. Даже в этом возрасте он производит впечатление крайне усердной и педантичной натуры³.

С возрастом записи в дневнике Гимmlера становятся все более длинными и все яснее раскрывают его ум и характер. Сохранившиеся фрагменты в основном относятся к первому году войны, когда он был четырнадцатилетним школьником в Ландсгуте, к юношескому (с девятнадцати до двадцати двух лет) периоду в Мюнхене и к пребыванию там же в двадцатичетырехлетнем возрасте. Дневник, таким образом, охватывает почти десятилетний и весьма важный для становления личности этап жизни молодого Гимmlера, но сохранившиеся в отдельных тетрадах записи носят, к сожалению, весьма отрывочный характер и, за исключением нескольких месяцев, не дают полного представления о его детских и юношеских годах. Тем не менее они все же представляют огромный интерес, так как даже по дошедшим до нас отрывкам можно судить о характере их автора.

Хотя поначалу война почти не коснулась жизни в Ландсгуте – дневник за 1914 год полон записей о мирных прогулках, о посещениях церкви, о возне с коллекцией марок и выполнении домашних заданий, – совершенно очевидно, что военные новости настолько волновали Генриха, что он переписывал в дневник сведения, почерпнутые из газет, изредка прибегая к школьному жаргону. Двадцать третьего сентября Гимmlер отмечает, что принц Генрих написал его отцу письмо и что принц был ранен.

Первые победы Германии переполняли его энтузиазмом; так, 28 сентября Гимmlер пишет, что он и его школьный товарищ были бы счастливы, если бы могли пойти на фронт и «свести счеты» с англичанами и французами. В целом, однако, Гимmlер продолжал жить обычной жизнью школьника: посещать мессу, ходить с братьями к друзьям («пил чай с фрау президентшей, которая была очень любезна»), играть в обычные детские игры и практиковаться в игре на фортепиано, к чему у него, по-видимому, было крайне мало способностей. Одновременно он полон презрения к ворчливым и робким жителям Ландсгута, которые недовольны войной: «Глупые старухи и мелкие буржуа в Ландсгуте... распространяют идиотские слухи о казаках, которые, по их мнению, отрубят им руки и ноги». Двадцать девятого сентября Гимmlер отмечает, что его родители отправились на железнодорожную станцию помогать в раздаче продуктов раненым солдатам. «Вся станция была заполнена любопытными ландсгутцами. Они громко возмущались и даже затеяли драку, когда хлеб и воду начали раздавать тяжело раненым французам, которым приходится все-таки хуже, чем нашим парням, так как они пленные. Потом мы гуляли по городу, и нам было ужасно скучно». Второго октября он выражает свою радость по поводу растущего числа русских пленных. «Они размножаются, как паразиты. Что касается ландсгутцев, то они, как всегда, глупы и трусливы... Они готовы обмочиться, как только разговор заходит об отступлении наших войск», – пишет Гимmlер, стараясь быть грубым. В следующее воскресенье, побывав в церкви, Гимmlер записал в своем дневнике: «Теперь я каждый день упражняюсь с гантелями, чтобы стать сильнее». Одиннадцатого октября, через несколько дней после своего четырнадцатого дня рождения, он упоминает об армейских учениях в городе и о том, что ему «хотелось бы поступить в армию».

Дневники этого раннего периода, однако, свидетельствуют, что, несмотря на регулярные прогулки, занятия плаванием и другие физические упражнения, Гимmlер постоянно жаловался на сильные простуды, жар и расстройство желудка. В школе он, по-видимому, был старательным, но не блестящим учеником: в его дневнике часто упоминаются история, математика, латинский и греческий языки, которые давались ему с большим трудом. Послушный родительской воле, Гимmlер усердно занимался игрой на фортепиано, однако его успехи на этом поприще были более чем скромными, так как, в отличие от старшего брата, он не был наделен соответствующими способностями. Тем не менее прошло несколько лет, прежде чем он обратился к родителям с просьбой позволить ему прекратить занятия. Гимmlер учился также стенографии и в 1915 году начал пользоваться ею для записей в дневнике. Это, однако, продолжалось недолго: после сентября 1915 года он неожиданно перестает делать записи и возвращается к дневнику только через год после войны, то есть в августе 1919 года.

Если судить по школьным дневниковым записям, Гимmlер был буквально одержим идеей поскорее вырасти и поступить на службу в армию. Двадцать девятого июля 1915 года его старшему брату исполнилось семнадцать лет; в тот же день Гимmlер записал в своем дневнике, что Гебхардт «вступил в ландштурм», то есть во вспомогательные войска. «О, как бы мне хотелось быть таким же взрослым, – пишет Генрих, – чтобы отправиться на фронт».

Но ему пришлось ждать до 1917 года, прежде чем он смог влиться в ряды добровольцев. Сохранился черновик письма Гимmlера-старшего, датированный 7 июля, в котором профессор, используя свои связи при баварском королевском дворе, добивается для сына разрешения считаться кадетом и одновременно продолжать обучение в школе, чтобы иметь возможность поступить в университет, прежде чем быть призванным на действительную военную службу. Его же рукой написано и прошение от 26 июня, в котором отец ходатайствует о зачислении Генриха на армейские офицерские курсы.

Но все эти усилия ни к чему не привели. Формально Гимmlер поступил на учебу только 18 октября 1919 года, то есть за два дня до начала занятий в Высшей технической школе Мюнхенского университета. В 1917 году он был призван в армию и служил в 11-м Баварском пехотном полку, проходя подготовку в Регенсбурге, родном городе матери. Впоследствии Гимmlер утверждал, что водил солдат в атаку еще во время Первой мировой войны⁴, но это не согласуется с сохранившимся ходатайством о выдаче воинских документов, написанным им собственноручно и датированным 18 июня 1919 года. Этот документ недвусмысленно свидетельствует, что Гимmlер был уволен с действительной службы 18 декабря 1918 года, так и не получив свидетельства об окончании кадетских офицерских курсов во Фрайзинге летом 1918 года и курсов пулеметчиков в Байрейте в сентябре. В своем рапорте Гимmlер, однако, заявляет, что эти бумаги нужны ему, так как после службы в ландсгутском Добровольческом корпусе¹ он собирается поступить в рейхсвер².

Гимmlер, однако, так и не успел получить офицерский патент, чтобы попасть на Западный фронт, однако даже после перемирия 1918 года он не терял связи с армией. Очевидно, карьера военного настолько привлекала его, что даже слабое здоровье не смогло заставить его отказаться от своей мечты. Только трудности послевоенных лет, в числе которых были галопирующая инфляция и недолгое правление коммунистов³, вынудили Гимmlера обратиться к гражданской деятельности. Именно тогда он решил изучать сельское хозяйство. Когда в августе 1919 года Гимmlер возобновил регулярные дневниковые записи, он уже работал на ферме возле Ингольштадта на Дунае, куда в сентябре предстояло переехать из Ландсгута и его семье, так как профессор Гимmlер получил в местной школе пост директора.

Но помощником фермера Гимmlер оставался недолго; 4 сентября он внезапно заболел. В ингольштадтской больнице у него обнаружили паратиф. После выздоровления врачи рекомендовали Гимmlеру оставить работу на ферме как минимум на год, и 18 октября он поступил на сельскохозяйственное отделение Мюнхенского университета. Из дневниковых записей того периода следует, что Гимmlер весьма сожалел о том, что ему пришлось распрощаться с армейской службой хотя бы в качестве резервиста или члена фрайкора. Очевидно, именно в качестве утешения он вступил в традиционный студенческий фехтовальный клуб.

В августе 1922 года Гимmlер оканчивает Мюнхенский университет и получает диплом агронома. Сохранившиеся фрагменты дневников свидетельствуют, что во время учебы в университете он старался жить традиционной студенческой жизнью, регулярно меняя партнеров

---

¹ Добровольческий корпус – послевоенные националистические группы, появившиеся в Германии после ее поражения в Первой мировой войне. (Примеч. ред.)

² Рейхсвер – вооруженные силы Германии в 1919–1935 годах, ограниченные по составу и численности условиями Версальского договора. Комплектовались по найму (115 тысяч человек и ограниченное число кораблей). (Примеч. ред.)

³ Имеется в виду Баварская советская республика, просуществовавшая с апреля по май 1919 года. (Примеч. ред.)

по фехтованию (пока на последнем курсе не заполучил наконец обязательный шрам на лице) и заводя близкие знакомства с соучениками, с которыми можно было вести серьезные интеллектуальные дискуссии. Не чурался Гимmlер и развлечений, и даже учился танцевать, надеясь таким путем добиться успеха в обществе. Но уроки танцев казались ему утомительными. «Я буду рад, когда они закончатся, – писал он 25 ноября. – Обучение танцам оставляет меня абсолютно холодным и только отнимает время».

В Мюнхене Гимmlер жил в меблированных комнатах без пансиона и ходил обедать в дом некоей фрау Лоритц, у которой были две дочери, Майя и Кете. Правда, он часто уезжал домой на выходные и проводил много времени со своим братом Гебхардтом, но это не помешало ему вскоре влюбиться в Майю. «Я так счастлив, что могу назвать эту чудесную девушку своей подругой, – пишет он в октябре и добавляет в следующем месяце: – Долго говорил с ней о религии. Она много рассказывала о своей жизни». Некоторые записи довольно загадочны: «Мы беседовали и немного пели. Позднее тут было о чем подумать». Но по-видимому, влюбленность вскоре сменилась обыкновенной дружбой, хотя в ноябре Гимmlер и «говорил с Майей об отношениях между мужчиной и женщиной», а после дискуссии о гипнотизме пришел к выводу, что «имеет на нее значительное влияние».

Очевидно, для Гимmlера это время было нелегким. Он ощущал беспокойство и мечтал когда-нибудь уехать из Германии и начать свое дело за границей. Хотя ему часто приходилось работать по вечерам, он начал изучать русский язык на случай, если будущие путешествия приведут его на Восток. В то время ближайшим другом Гимmlера, помимо его брата Гебхардта, был некий молодой человек по имени Людвиг Цалер, товарищ по службе в армии, с которым он подолгу беседовал, но чей характер, по-видимому, его тревожил. «Людвиг кажется мне все более непостижимым», – пишет Гимmlер, добавляя через два дня: «Теперь у меня не осталось сомнений насчет его характера. Мне жаль его».

Гимmlер питал некоторые сомнения и в отношении самого себя. «Я был печален и подавлен, – отмечает он в ноябре после проведенного с Майей вечера. – Думаю, приближаются серьезные времена. Мне не терпится снова надеть форму». Менее чем через неделю Гимmlер признается: «Я не вполне уверен, для чего работаю, во всяком случае – сейчас. Я работаю, потому что это мой долг, потому что нахожу в работе душевный покой... и преодолеваю свою нерешительность».

Эти записи были сделаны, когда Гимmlеру едва исполнилось девятнадцать лет, но он уже открыл в себе качества, которым было суждено оставаться неизменными в течение всей его жизни. Он наслаждается пребыванием в узком кругу друзей, но инстинктивно избегает чересчур близких человеческих отношений. Им движет сила, которую он называет «долгом»; именно она заставляет его усердно учиться, одолевая университетский курс, и укреплять тело с помощью физических упражнений, таких, как плавание, катание на коньках и прежде всего фехтование. Его консерватизм и приверженность условностям, довольно странные в двадцатилетнем юноше, становятся своего рода навязчивой идеей: Гимmlер стремится к общению, не испытывая при этом подлинного тепла, и готов искать компании девушек, только будучи уверенным, что это не приведет к любовным отношениям. Он все еще посещает мессу, но в свободное время все чаще практикуется в стрельбе вместе с Гебхардтом и Людвигом в ожидании того момента, когда сможет вновь «надеть форму».

Дневниковые записи прерываются между февралем 1920-го и ноябрем 1921 года и вновь между июлем 1922-го и февралем 1924 года, однако из других источников известно, что в последние годы в университете Гимmlер не изменил выработавшимся у него стереотипам поведения. Единственным, что до некоторой степени нарушало однообразное течение студенческой жизни, был краткий курс военной подготовки для резервистов и обязанности письмоводителя, которые он выполнял для студенческой организации, именуемой Всеобщий студенческий комитет (Allgemeiner Studenten Ausschuss). Однако намерения Гимmlера насчет занятий

сельским хозяйством где-нибудь на Востоке претерпели изменения; теперь Турция кажется ему местом гораздо более привлекательным, чем та же Россия. В конце концов Гимmlер отправился в Гмунд (впоследствии именно там он построил себе дом на берегу озера Тегернзее), чтобы встретиться со своим дальним знакомым, знавшим кое-что о перспективах турецкой экономики. Гимmlер, однако, все еще сомневался в своем характере. В ноябре 1921 года, когда ему исполнилось двадцать два, он пишет: «Мне по-прежнему недостает того природного высокомерия в поведении (*die vornehme Sicherheit des Benehmens*), которое я бы так хотел приобрести».

Его отношения с девушками также остаются вполне платоническими. В одной из дневниковых записей Гимmlер упоминает о девушке из Гамбурга, с которой познакомился в поезде, и тут же отмечает, что она была «милой, безусловно невинной и очень интересовалась Баварией и королем Людвигом II». Его друг Людвиг, который устроился на работу в банк, как-то сказал ему, что Кете убеждена, будто он презирает женщин, и Гимmlер пишет, что она права. Потом он добавляет:

«Настоящий мужчина любит женщину тройко. Во-первых, как милого ребенка, которого следует воспитывать, даже наказывать, когда он капризничает, но также защищать и лелеять, потому что он слаб. Во-вторых, как жену и верную подругу, которая помогает ему в жизненной борьбе, находясь рядом с ним, но никогда не портит ему настроения. В-третьих, как женщину, чьи ноги он жаждет целовать и которая благодаря своей детской чистоте придает ему силу, позволяющую не дрогнуть в самой жестокой битве».

В своих записях Гимmlер упоминает о многих девушках, но его отношение к противоположному полу постепенно становится все более прохладным. Он по-прежнему посещает церковь, а пообедав в ресторане, пространно рассуждает на страницах дневника о том, что красота официантки неизбежно приведет ее к моральному падению. Он даже позволяет себе пофантазировать, с каким удовольствием он бы дал ей денег (если бы они у него имелись), чтобы помешать бедняжке сбиться с пути истинного. Несколько позднее Гимmlер пишет об охлаждении, даже о разрыве отношений с фрау Лоритц и с Кете, чье «женское тщеславие» начинает его раздражать. В мае 1922 года Гимmlер отмечает в дневнике, как шокировал его вид трехлетней девочки, которой родители позволили бегать нагишом перед его целомудренным взором. «В таком возрасте, – замечает он с негодованием, – ребенку уже давно следовало внушить чувство стыда».

Содержащиеся в дневнике воспоминания о некоторых соучениках⁵ служат прекрасным дополнением к портрету молодого Гимmlера. Он часто упоминает о том, как тяжело давалось ему общение с другими и как скован он при этом был. Гимmlер носил пенсне без оправы даже во время студенческих дуэлей, скверно декламировал баварскую народную поэзию, избегал знакомств с девушками (за исключением тех случаев, когда того требовали правила этикета) и никогда не искал возможностей заняться любовью, что отличало его от большинства студентов. Несколько раз он говорил своему брату Гебхардту, что, несмотря на любые искушения, решил оставаться девственником до тех пор, пока не вступит в брак официально. При этом Гимmlер был чрезвычайно амбициозен в социальном плане; он часто выдвигал себя кандидатом на различные должности в разных студенческих организациях, неизменно получая крайне малое число голосов за. Больше всего ему хотелось блеснуть в студенческом клубе «Аполлон», ориентированном скорее на культурное развитие, чем на спорт или простое поглощение пива.

Следует заметить, что в тот период в «Аполлон» входили в основном бывшие военные и старшекурсники; президентом же клуба был доктор Абрам Офнер, еврей по национальности. Став младшим членом «Аполлона», Гимmlер вынужден был держаться предельно вежливо как с доктором Офнером, так и с другими состоявшими в клубе евреями, однако в душе он уже тогда был ярким антисемитом и даже участвовал в жарких публичных дискуссиях о том, не следует ли изгнать евреев из общества. В политике Гимmlер придерживался устойчивых

правых взглядов, естественных для члена (хотя и не очень активного) фрайкора, созданного с единственной целью не допустить коммунистического проникновения в послевоенную баварскую администрацию.

Как видим, перед нами возникает портрет маленького человека – скучного и вполне заурядного, – который прячет неуверенность в себе при помощи внешней холодности и высокомерия. Боясь показаться неспособным к полнокровной студенческой жизни, он проявляет чрезмерное усердие в учебе и демонстрирует готовность вступить в одно из милитаристских движений правого толка, каких было много в то беспокойное время. Его педантичность кажется почти маниакальной, во всяком случае, его дневник изобилует подробными и точными записями о том, когда он побрился, когда постригся и когда принял ванну, причем все эти бытовые мелочи явно ставятся им в один ряд с дуэлями, военными упражнениями и серьезными дискуссиями о религии, сексе и политике. Больше того, красоту своих партнерш в танцах Гиммлер описывает с теми же хладнокровием и методичностью, с какими повествует о собственной стрижке или бритье:

«Танцы. Было довольно приятно. Моей партнершей была фрейлейн фон Бюк, симпатичная девушка, благоразумная и патриотически настроенная, и при этом – не синий чулок... Другие девушки тоже были хорошенькими, а некоторые даже красивыми... Мариэль Р. и я немного поболтали... Проводил домой фрейлейн фон Бюк. Она не стремилась взять меня под руку, что я оценил... Немного упражнений перед сном».

Дневник Гиммлер использовал и для того, чтобы упрекать себя, когда, по его мнению, он переставал соответствовать своему скромному идеалу. Частенько он жалуется на излишнюю болтливость, чрезмерное мягкосердечие, недостаток самоконтроля и «аристократической уверенности в манерах». Ему нравится помогать людям, навещать больных, утешать стариков и бывать дома со своей семьей. «Они считают меня веселым, забавным парнем, который обо всех заботится; «Хайни (так называли Гиммлера в семье) за всем проследит», – пишет он в январе 1922 года.

Ясно, что Гиммлер, как и многие другие, ищет признания в семейном и социальном кругу, принимая посильное участие в делах других людей. Вполне вероятно, что эта доброта была в какой-то мере искренней, однако главной его целью всегда оставалась популярность среди студентов, чему препятствовали природная чопорность и слабый организм, не позволявший ему пить пиво, не страдая при этом расстройством желудка, – серьезные недостатки, позволявшие другим студентам посматривать на него свысока и посмеиваться над его чрезмерным усердием.

Гиммлер продолжал регулярно посещать церковь, по крайней мере до 1924 года, хотя сомнения в отношении религии начинают появляться в его дневнике значительно раньше. «Думаю, я вхожу в конфликт с моей верой, – пишет он в декабре 1919 года, – но что бы ни случилось, я всегда буду любить Бога и молиться Ему, оставаясь преданным католической церкви и защищая ее, даже если буду от нее отторгнут». В феврале 1924 года Гиммлер все еще ходит в церковь, но упоминает о своих сомнениях в главных церковных постулатах, о дискуссиях относительно «веры в Бога, религии (возможности непорочного зачатия, исповеди и пр.), а также о спорах о дуэлях, крови, половых сношениях, мужчинах и женщинах». Тема секса привлекает его даже сильнее, чем религия, несомненно из-за убеждения, что воздержание от половых связей до брака является моральной обязанностью каждого человека. Судя по всему, Гиммлер оставался девственником до двадцати шести лет, и сексуальная неудовлетворенность несомненно причиняла ему серьезные страдания. В феврале 1922 года, после одной из частых дискуссий о сексе со своим другом Людвигом, он записал в дневнике:

«Мы обсуждали опасности, которыми чреватые подобные вещи... Я по опыту знаю, что значит лежать с кем-то в одной постели, чувствовать рядом крепкое горячее тело... Возбуждаешься так, что с трудом сохраняешь способность мыслить здраво. Девушки заходят так далеко,

что перестают отдавать себе отчет в том, что делают, и ты тоже начинаешь испытывать жгучее, бессознательное желание удовлетворить могучий зов природы. Вот почему это так опасно и для мужчины, ибо требует развитого чувства ответственности. Девушки практически не имеют силы воли, поэтому мужчина мог бы сделать с ними все, что угодно, если бы ему не приходилось бороться с собой».

Другой бедой было отсутствие денег. Гимmlера все сильнее тяготила финансовая зависимость от семьи, хотя он и научился довольствоваться получаемым от отца небольшим содержанием, строжайше ограничивая свои и без того небольшие расходы на одежду и питание. Сохранившиеся письма к родителям наглядно показывают, как скрупулезно он учитывал все мелочи, до последнего пфеннига рассчитывая суммы, необходимые на еду или починку платья и обуви. При этом его письма изобилуют выражениями любви и почтения:

«Ваша милая открытка ко дню рождения...»; «Галстук снова нужно штопать с левой стороны...»; «К сожалению, дорогие родители, я вынужден попросить у вас денег: у меня осталось только двадцать пять марок из последней сотни, которая включала и ежемесячные тридцать...»; «Я никогда не ношу на работе белые рубашки, поэтому мои вещи хорошо сохраняются...»; «Галстук в горошек, который я получил на Рождество, порвался в нескольких местах...»; «Сердечный привет и поцелуи».

Характер этого человека ярко раскрывается во всем, что он пишет; не менее выпукло характеризует Гимmlера и то обстоятельство, что его письма (как и многое другое, относящееся к тому периоду, – квитанции, списки, черновики, корешки билетов и так далее) уцелели, даже несмотря на постигшую Германию катастрофу.

Приверженность правилам была его второй натурой. Пятого ноября 1921 года Гимmlер, взяв напрокат траурный фрак, посещает похороны Людвига II Баварского; спустя несколько недель он наносит формальный визит вдовствующей королеве, матери своего крестного отца; 18 января 1922 года он присутствует на церемонии студентов-националистов, посвященной очередной годовщине основания Германской империи. Неделей позже, 26 января, Гимmlер посещает собрание стрелкового клуба в Мюнхене, где знакомится с капитаном Эрнстом Ремом, который, как он отмечает в своем дневнике, «держался весьма дружелюбно». «Рем относится к большевизму крайне отрицательно», – лаконично добавляет Гимmlер.

В то время Эрнст Рем, который был на тринадцать лет старше Гимmlера, еще служил в армии. Благодаря его влиянию Гимmlер стал проявлять все больший интерес к вопросам политической жизни. Вместе со своим старшим братом Гебхардтом Гимmlер вступил в возглавляемый Ремом местный националистический корпус «Имперское военное знамя» («Reichskriegsflagge») – полувоенную организацию, которая в ноябре 1923 года объединилась с Гитлером для участия в мюнхенском путче.

Пятого августа 1922 года Гимmlер окончил университет. Программа его обучения в Высшей технической школе включала химию и науку об удобрениях, а также селекцию, то есть выведение новых разновидностей растений и сельскохозяйственных культур. Ему сразу же удалось устроиться лаборантом в некую фирму в Шляйсхайме, специализировавшуюся на производстве удобрений. Шляйсхайм находится милях в пятнадцати от Мюнхена, следовательно, Гимmlер не утратил контакта с городом, где Гитлер в это время пропагандировал свою разновидность национализма и уже создал национал– социалистическую партию. Гимmlер, разумеется, не мог не слышать о Гитлере и о той политической активности, которую последний развернул в Мюнхене, однако первая из сохранившихся дневниковых записей, касающихся этого предмета, была сделана им только в феврале 1924 года – спустя пять месяцев после путча. Это объясняется тем, что из множества соперничающих или параллельных националистических группировок, существовавших в то время, Гимmlер, как и Геббельс, присоединился к той, которая подпала под растущее влияние Гитлера, далеко не сразу.

Гимmlер, однако, уже тогда активно культивировал антисемитизм – чувство, достаточно распространенное среди правых католических националистов юга Германии. С 1922 года антиеврейские мотивы звучат в дневнике Гимmlера все сильнее, хотя он и делает некоторое исключение для некоей молодой танцовщицы – австрийской еврейки, с которой познакомился в ночном клубе, куда, после долгих уговоров, привел Гимmlера один из его друзей по имени Альфонс. Как бы оправдываясь, Гимmlер пишет по этому поводу: «В ее поведении не было ничего еврейского, насколько я мог судить. Я даже сделал несколько замечаний насчет евреев, абсолютно не подозревая, что она – одна из них». Впрочем, к своей новой знакомой он был сентиментально-снисходителен; она была довольно хорошенькой и к тому же приятно шокировала его признанием, что не является «невинной». Значительно менее снисходительно Гимmlер относится к своему соученику по школе и университету Вольфгангу Хальгартену⁶, которого называет «еврейским мальчишкой» (Judenbub) и «еврейской вошью» (Judenlauser) за то, что тот примкнул к левым пацифистам. С этого времени в дневнике Гимmlера все чаще встречаются упоминания о «еврейском вопросе».

Упомянутые записи были сделаны Гимmlером в июле 1922 года, то есть незадолго до того, как он окончил университет и начал сам зарабатывать себе на жизнь. Документы свидетельствуют, что официально он вступил в нацистскую партию только в августе 1923 года, за четыре месяца до неудавшегося «пивного путча», в котором Гимmlер участвовал в довольно незначительном качестве знаменосца группировки Эрнста Рема⁷. Ему не довелось даже пройти по улицам Мюнхена в колонне, возглавляемой Гитлером и Людендорфом; перед группой Рема стояла задача захвата штаб-квартиры Военного министерства в центре города, и Гимmlер, специально приехавший из Шляйсхайма, отправился туда со своим вождем. Сохранилась фотография, на которой он, стоя рядом с Ремом и держа в руках традиционное имперское знамя, глядит раскрыв рот из-за хлипкой баррикады из бревен и колючей проволоки. После провала путча Гимmlер, однако, даже не был арестован, хотя двухдневный прогул стоил ему рабочего места.

Два дня мюнхенского путча впервые объединили будущих нацистских лидеров: Гитлера, Геринга, Рема и Гимmlера. Но если Гимmlер со знаменем в руках держался пока на заднем плане, то Геринг, бывший летчик-ас, маршировал рядом с Гитлером и Людендорфом 9 ноября – на следующий день попытки переворота, предпринятой Гитлером во время митинга в пивном зале «Бюргербройкеллер», на котором выступало несколько баварских министров. Рем, к тому времени начавший тесно сотрудничать с нацистским движением, согласился выдвинуться со своим отрядом к штаб-квартире Военного министерства на Шёнфельдштрассе и захватить ее; там он и его сторонники забаррикадировались колючей проволокой и установили пулеметы для обороны.

Надо сказать, что это была, пожалуй, единственная успешная акция путчистов. Заняв здание, Рем и его люди оставались там всю ночь с 8-го на 9 ноября, в то время как Гитлер и его штурмовики на протяжении нескольких часов сидели в темноте на площадке возле «Бюргербройкеллера», обсуждая положение. Только к утру было принято решение двинуться маршем к центру города и соединиться с Ремом, который был единственным из лидеров путча, кто не вел себя как актер в дешевой мелодраме.

В начавшемся около одиннадцати утра шествии, возглавляемом размахивающим пистолетом Гитлером и мрачным, серьезным Людендорфом, приняло участие около 3 тысяч штурмовиков, которые пересекли реку Изар и прошагали около мили к ратуше на Мариенплац. Оттуда им предстояло пройти по узким улицам, ведущим к Военному министерству, но именно там вооруженная полиция наконец остановила путчистов. В столкновении Гитлер был легко ранен, а Геринг получил серьезное ранение в пах. Только Людендорф, будучи уверен в своем непререкаемом авторитете, продолжал шагать как ни в чем не бывало, не обращая внимания на пули. Вскоре он, однако, был арестован; что касалось Рема и его людей, то примерно двумя

часами позднее они были вынуждены сдать, так как еще на рассвете пехотные части регулярной армии блокировали здание министерства и мятежники оказались в настоящей осаде.

Никаких серьезных разбирательств между заговорщиками, однако, не последовало, поскольку политическая ситуация в то время была слишком неопределенной и нестабильной. Нацистская партия была запрещена; Гиммлер потерял работу и вынужден был уехать к родным в Мюнхен, куда его семья вернулась в 1922 году. Эрнст Рем, к которому Гиммлер все еще относился с почтением, как к старшему офицеру, был заключен в тюрьму вместе с другими лидерами неудавшегося путча. Пятнадцатого февраля 1924 года Гиммлер обратился в баварское министерство юстиции за разрешением посетить штадельхаймскую тюрьму, где содержался Рем. Он отправился туда на своем дорогом мотоцикле, взяв с собой апельсины и экземпляр «Гроссдойче цайтунг». «Двадцать минут говорил с капитаном Ремом, – записал Гиммлер по возвращении. – У нас была весьма содержательная беседа, и мы разговаривали абсолютно свободно». Из дальнейшего следует, что во время встречи они обсуждали сильные и слабые стороны политических лидеров, а в конце Рем поблагодарил Гиммлера за апельсины. «Даже в тюрьме он сохраняет чувство юмора и остается прежним славным капитаном Ремом», – отмечает Гиммлер.

На процессе заговорщиков, который начался 26 февраля и продолжался более трех недель, Гитлер вел себя как обвинитель, обратив суд в пустую формальность. Правда, формально Гитлера признали виновным, однако наказание было чисто номинальным; Рема и вовсе освободили, хотя он также был признан виновным в государственной измене.

После суда Гитлер был заключен в Ландсбергский замок. Рем вернулся к планам создания военно-революционного движения, пока Гитлер, погружившись в работу над своим программным трудом «Майн кампф», намеренно позволил партии разлагаться без «твердой руки». Ко времени освобождения Гитлера, которому в немалой степени способствовал весьма благоволивший к нему министр юстиции Баварии Франц Гюртнер, Рем уже перестал быть для гитлеровской партии приемлемой фигурой. В апреле 1925 года он был вынужден направить Гитлеру прошение об отставке с поста командующего штурмовыми отрядами.

Гиммлер тем временем также вернулся к активной политической жизни, изрядно огорчив отца отказом начать поиски работы; свое решение он мотивировал тем, что хочет быть свободным, чтобы иметь возможность целиком посвятить себя политической борьбе. Наиболее близкими по духу к официально запрещенной нацистской партии были крайне правые националистические и антисемитские группировки, известные под общим названием Народного движения. В числе сторонников этого блока были такие известные личности, как Людендорф, Грегор Штрассер и Альфред Розенберг, а сами объединенные группировки являлись влиятельной силой в баварском правительстве. В 1924 году они получили значительную поддержку на выборах в рейхстаг, обеспечив себе тридцать два места. Среди новых депутатов рейхстага были Штрассер, Рем и Людендорф⁸.

Гиммлер не мог, разумеется, остаться равнодушным к этому успеху националистических сил. Наличие свободного времени позволило ему принять участие в кампании Народного движения в Нижней Баварии. Разъезжая по городкам и деревням в окрестностях Мюнхена, он выступал на политических митингах, разглагольствуя о «порабощении трудящихся биржевиками-капиталистами» и о «еврейском вопросе», заодно приобретая бесценный ораторский опыт. «Труден и тернист этот путь, но долг перед народом превыше всего», – пишет Гиммлер после особенно напряженных митингов в сельской местности, где его оппонентами были не только крестьяне, но и коммунисты. Вместе с другими ораторами он часто смешивался с аудиторией и затевал индивидуальные споры. Таким образом, в начале своей политической карьеры он прошел ту же нелегкую школу, что и молодой Йозеф Геббельс, вращавшийся в тех же политических кругах и выступавший на аналогичных митингах в индустриальных районах Рура.

Имя Гитлера редко появляется в сохранившихся дневниках за тот период, хотя с уходом Рема Гимmlеру пришлось искать другого лидера, которому он мог бы предложить свои услуги и у которого, если повезет, мог бы получить оплачиваемую работу. Девятнадцатого февраля 1924 года Гимmlер пишет, что читал вслух друзьям брошюру «Жизнь Гитлера». Второго августа 1925 года Гимmlер вступил в нацистскую партию; примерно в то же время он начинает работать у братьев-баварцев Грегора и Отто Штрассер (владевших в Ландсгуте семейным фармацевтическим предприятием), которые возглавили реконструкцию нацистского движения. Братья Штрассер являлись соперниками Гитлера, который после своего освобождения 20 декабря 1924 года (тогда ему было тридцать пять лет) снова попытался взять бразды правления в свои руки. Штрассеры, в частности, стояли за компромисс с другими националистическими группировками, в то время как Гитлер планировал создание новой, энергичной политической партии, которую он держал бы под полным личным контролем. В том же декабре прошли вторые выборы в рейхстаг, на которых альянс нацистов и «народников» потерял восемнадцать мест из тридцати двух, но Гитлера, к крайнему возмущению Штрассеров и Рема, это, казалось, совершенно не заботило. Добившись отмены запрета на деятельность нацистской партии, он был готов даже к потере поддержки антикатолических группировок Народного движения. Теперь Гитлера интересовало только одно: задуманное им реформирование нацистской партии под его единоличным лидерством. Об этом он откровенно заявил в конце февраля 1925 года, причем его политическая платформа включала в себя пункт о начале решительной кампании против марксистов и евреев.

Формально Гимmlер занимал у Штрассеров пост секретаря, но фактически являлся их помощником по общим вопросам, готовым исполнить любое поручение. По свидетельству Отто Штрассера, его брат высоко ценил Гимmlера; однажды он даже сказал: «Этот парень вдвойне полезен – у него есть мотоцикл, к тому же его переполняет неудовлетворенное желание быть солдатом»⁹. Гимmlер отвечал, в частности, за тайные склады оружия, находившиеся в сельских районах, вдали от глаз объединенной союзнической комиссии по разоружению Германии. Эта полупроизвольная деятельность чрезвычайно нравилась двадцатичетырехлетнему юноше. По словам того же Отто Штрассера, она заставляла Гимmlера гордиться своей принадлежностью к немецкому народу; он, во всяком случае, явно предпочитал эту работу скучной канцелярской рутине, которой занимался по поручению Грегора Штрассера – депутата рейхстага, с 1920 года руководившего нацистскими группировками в Нижней Баварии.

Грегор Штрассер был талантливым оратором и неутомимым организатором. В то время Гитлер еще не мог без него обойтись и предпочитал путь переговоров. Несмотря на растущие разногласия между ними и Гитлером, Штрассеры тоже пошли последнему на уступки и, по взаимной договоренности, перенесли главную сферу своей деятельности на север: Отто Штрассер, чьим призванием была журналистика, переехал в Берлин и основал там северную партийную газету «Берлинер арбайтерцайтунг».

В 1925 году Геббельс и Гимmlер, которые теперь оба работали на братьев Штрассер, несколько раз встречались в Ландсгуте. Скоро стало очевидно, что если Геббельс был блестящим оратором, наделенным к тому же недюжинными журналистскими способностями, то талант Гимmlера был более прозаическим и лежал скорее в области рутинной канцелярской работы. Одно время – главным образом на основании расплывчатых и неопределенных заявлений Отто – даже считалось, что на службе у Штрассеров Гимmlера сменил непостоянный и тщеславный молодой человек из Рура¹⁰, но это было далеко не так. Геббельс, часто совершавший поездки на юг, все больше увлекался Гитлером, который вскоре заметил его таланты и в 1926 году уговорил занять ответственный пост гауляйтера Берлина и секретаря местного отделения партии. До этого, однако, Геббельс проводил много времени в Руре или исполнял поручения Штрассера или Гитлера в других частях страны. Гимmlер в свою очередь достаточно

укрепил свою позицию в Нижней Баварии, чтобы в конце 1925 года написать Курту Любеке – одному из сторонников Гитлера, вскоре уехавшему в Америку, – следующее письмо:

«Дорогой герр Любеке!

Простите, что беспокою Вас этим письмом и беру на себя смелость обратиться к Вам с вопросом. Возможно, Вы знаете, что я теперь работаю в партийной организации земли Нижняя Бавария. Я также помогаю издавать местный «народный» журнал «Курьер Нижней Баварии».

Дело в том, что вот уже некоторое время я раздумываю над тем, чтобы опубликовать списки всех проживающих в Нижней Баварии евреев и сочувствующих им христиан. Однако прежде, чем решиться на что-либо подобное, я хотел бы узнать, считаете ли Вы подобный шаг перспективным и полезным с практической точки зрения. Я был бы весьма признателен, если бы Вы как можно скорее сообщили мне Ваше мнение, которым я очень дорожу, так как именно Вы являетесь для меня непререкаемым авторитетом во всем, что касается еврейского вопроса и антисемитского движения во всем мире»¹¹.

По словам Любеке, Грегор Штрассер, узнав об этом письме, рассмеялся и сказал, что евреи становятся для Гимmlера навязчивой идеей. «Он предан мне, и я использую его как секретаря, – добавил Штрассер. – Гимmlер очень честолюбив, но я бы не брал его на север, так как он не из породы победителей».

Тем не менее усердие и старательность Гимmlера помогли ему получить пост помощника Штрассера по организации партийной работы в Нижней Баварии, хотя работать ему приходилось, конечно, в подчинении обосновавшегося в Мюнхене Гитлера. Он также стал заместителем командира небольшого отряда, насчитывавшего около двухсот человек и известного под названием Охранный отряд (Schutzstaffel), или СС. Первоначально это была группа, сформированная перед мюнхенским путчем в 1922 году и именованная штурмовым отрядом Адольфа Гитлера, хотя, по сути дела, эти крепкие парни, державшиеся рядом с Гитлером на публичных мероприятиях, были просто его телохранителями. Согласно официальным документам, Гимmlер вступил в СС в 1925 году, получив личный номер 168. Реформированный отряд СС маршировал перед Гитлером на втором съезде партии в Веймаре в 1926 году и получил особый «кровавый флаг» за услуги, оказанные вождю во время ноябрьского путча. «Услуги» эти заключались в поломке печатных станков социал-демократической газеты в Мюнхене.

Основной задачей Гимmlера, работавшего в штаб–квартире партии в Ландсгуте, где со стены за ним хмуро наблюдал портрет Гитлера, было увеличение числа сторонников партии. Он получал сто двадцать марок в месяц и отправлял местных членов СС собирать пожертвования и развешивать плакаты с рекламой партийной газеты «Фолькишер беобахтер». В 1926 году Гимmlер был назначен заместителем начальника департамента пропаганды; постепенное увеличение подчиненных повлекло за собой незначительный рост жалованья, однако на этом этапе его, по-видимому, рассматривали только как усердного и добросовестного администратора.

Вот что записал в своем дневнике Геббельс 13 апреля 1926 года накануне отъезда Гимmlера в Берлин, когда партия стремительно росла: «Был у Гимmlера в Ландсгуте. Гимmlер хороший парень и очень толковый, мне он нравится». Шестого июля Геббельс «катался на мотоцикле с Гимmlером». Запись от 30 октября, несмотря на свой лаконизм, достаточно красноречива: «Цвиккау. Гимmlер. Сплетничали, спали»¹². Она совершенно ясно свидетельствует, что снедаемый тщеславием двадцативосьмилетний Геббельс рассматривал Гимmlера просто как мелкого администратора, распорядителя своего звездного ораторского турне (собственно говоря, в Ландсгут Геббельс как раз и попал в ходе своей пропагандистской поездки).

В Берлин Гимmlер ездил несколько раз. В 1927 году во время одного из таких визитов он познакомился с женщиной, которая позднее стала его женой. Маргарет Концежова, полька по происхождению, была на семь лет старше Гимmlера. Марга, как ее обычно называли, была

медсестрой и владела в Берлине крошечной лечебницей. Гимmlера привлекли в первую очередь ее неортодоксальные взгляды на медицину, которые живо напомнили ему дискуссии студенческих лет, разговоры о гомеопатии и лечении травами. Несмотря на разницу в возрасте, эти двое, похоже, были просто созданы друг для друга. Оба превыше всего ставили бережливость, практичность и аккуратность, оба остро нуждались в уюте простой семейной жизни и верили, что их общий интерес к медицине и травам способен заменить любовь. Как бы там ни было, их увлечение друг другом оказалось столь сильным, что вскоре Марга продала свою лечебницу, чтобы приобрести недвижимость в деревне.

Они поженились в начале июля 1928 года. В архиве Гимmlера сохранилось одно из писем Марги, написанное за восемь дней до свадьбы, – взволнованное и в то же время исполненное застенчивости. В нем речь идет о доме и участке, который они купили на ее деньги в Вальтрудеринге, что расположен милях в десяти от Мюнхена. Радуюсь предстоящему событию, Марга, однако, довольно подробно пишет о том, сколько они потратят и смогут ли избежать выплат по закладной. На полях письма есть сделанная рукою Гимmlера пометка, согласно которой Марга ошиблась в своих подсчетах на 60 марок. Тем не менее Гимmlер – «скверный малыш», как она его называет, – скоро будет принадлежать ей, и Марга не стесняется постоянно ему об этом напоминать¹³.

Имение в Вальтрудеринге было весьма скромным, и бремя ведения хозяйства почти целиком легло на плечи Марги Гимmlер. Они держали около пятидесяти кур и продавали яйца, продукты с огорода и кое-какой сельхозинвентарь; это прибавляло немного денег к жалованью Гимmlера, которое в то время составляло примерно двести марок в месяц. В следующем году Марга родила своего первого и единственного ребенка – их дочь Гудрун.

Этот год – 1929-й – стал поворотным пунктом в жизни Гимmlера. Шестого января Гитлер издал приказ о назначении его рейхсфюрером СС вместо капитана Эрхарда Хайдена, чьим заместителем он был. Назначение оказалось весьма удачным. Должно быть, что-то подсказало Гитлеру, что этот похожий на мелкого чиновника человек наделен, кроме воинских амбиций и скрупулезной самодисциплины, высочайшей требовательностью к себе и другим, необходимой для создания надежного противовеса неуправляемым толпам штурмовиков, марширующим по улицам от имени нацизма¹⁴.

Глава II

Рейхсфюрер СС

Для Гитлера назначение Гимmlера командующим СС было просто вопросом целесообразности, но для него самого это означало исполнение едва ли не самого заветного его желания. Теперь он был рейхсфюрером СС. Новый пост сам по себе служил вызовом его упорству и воле и вдохновлял на самые глубокие размышления о величии, к которому Гитлер с его помощью сможет привести немецкий народ в будущем.

В это время Гимmlер был еще совсем молодым человеком двадцати восьми лет, весьма небогатым и с беременной женой на руках. Быть рейхсфюрером базирующихся в Мюнхене СС означало командовать менее чем тремя сотнями человек, причем даже эти небольшие властные полномочия имели свои ограничения. Например, в Берлине, где благодаря энергичной геббельсовской пропаганде политическая жизнь была ключом, главой местных СС был назначен Курт Далюге, имевший полномочия действовать независимо от Гимmlера, который к тому же обязан был подчиняться не только Гитлеру, но и руководству СА – нацистских батальонов коричневорубашечников. Фактически СС были подразделением СА, хотя в их официальную задачу входила охрана Гитлера и других нацистских лидеров на митингах, съездах и парадах.

Но, по свидетельству Гюнтера д'Алькуена, ставшего впоследствии редактором специального журнала СС «Черный корпус», примерно в то же время Гитлер дал свежее испеченному рейхсфюреру СС указание превратить охранные отряды в надежную боевую организацию, укомплектованную отборными людьми.

Таким образом, Гимmlер получил возможность воплотить свои идеи в жизнь. Сутулые плечи, коротко стриженные волосы, аккуратные усики и пенсне на цепочке делали его похожим на солидного банковского служащего, однако в мозгу его роились грандиозные планы. Прежде всего Гимmlер видел свою «черную гвардию» как элитный отряд прекрасно подготовленных бойцов, чьи уникальные качества должны были возвысить их над уличными хулиганами из СА. СС предстояло стать верным оплотом Гитлера.

Осуществление этой мечты стало для Гимmlера навязчивой идеей. Тот факт, что он играл довольно незначительную роль в повседневной борьбе и интригах, с помощью которых Гитлер, Геринг и Геббельс мостили себе дорогу к власти между 1929-м и 1933 годом, его почти не беспокоил. Гимmlер следовал собственной путеводной звезде. Его амбиции по партийной линии были временно удовлетворены, когда он был назначен командующим СС и получил мандат депутата рейхстага после выборов 1930 года, а амбиции, так сказать семейные, если таковые вообще у него имелись, окончательно уснули в 1929 году, когда жена родила Гимmlеру дочь. Кстати, Маргу пользовал доктор Брак, сын которого Виктор спустя двенадцать лет возглавил гимmlеровскую программу эвтаназии, хотя свою службу у Гимmlера он начинал в качестве шофера.

Численность рядов СС под руководством Гимmlера в первое время почти не росла. Годы 1929-й и 1930-й явились подготовительно-организационным периодом, стадия же бурного роста началась, как мы увидим, в 1931 году, когда к организации Гимmlера присоединились тысячи людей. Именно тогда обязанности членов СС, ограниченные прежде явкой на переключки и разделением на группы для охраны партийных ораторов на митингах, были существенно пересмотрены, став более секретными и более разнообразными.

Первая фаза превращения охранных отрядов в постоянное элитное формирование наступила, когда в январе 1932 года Гимmlер издал печально известный брачный кодекс для членов СС. Кодекс основывался на принципах, изложенных Вальтером Дарре в его книге «Кровь и

почва» («Um Blut und Boden»), которая была опубликована под покровительством партии в Мюнхене в 1929 году.

Дарре был экспертом Гитлера по сельскому хозяйству, уверовавшим в могущество селекционной работы. Он родился в 1895 году в Аргентине и получил образование в Англии в школе Королевского колледжа в Уимблдоне. Некоторое время Дарре служил в прусском министерстве сельского хозяйства, но уволился в 1929 году из-за разногласий с коллегами. В том же году он опубликовал книгу о крестьянстве как источнике жизни арийской расы. Его желание стать рейхсминистром сельского хозяйства осуществилось в 1933 году.

Дарре представляет интерес только из-за его растущего влияния на Гимmlера, чьи заблуждения впоследствии развились в жуткие навязчивые идеи. Он был на пять лет старше Гимmlера и, состоя в движении, которое не гнушалось поощрять антинаучные теории, если они были полезны для пропагандистских целей, вскоре стал признанным философом от нацизма, тесно связанным с Альфредом Розенбергом – одним из убежденных сторонников мифа о расовом превосходстве германской нации.

Розенберг сам был немцем, но родился в прибалтийском городе Ревеле и изучал архитектуру в Москве, прежде чем бежать в Германию во время русской революции. В 1923 году он стал редактором гитлеровской газеты «Фолькишер беобахтер». В книге «Миф двадцатого столетия», опубликованной в 1930 году, Розенберг объявлял бесполезными гуманистические идеалы христианской Европы. По его мнению, Европе необходимо было как можно скорее освободиться от рыхлых и абстрактных христианских принципов, происходящих с Востока и из Малой Азии, и открыть для себя новую философию, которая бы коренилась в недрах земли и признавала превосходство и чистоту представителей арийской расы. «Культура всегда загнивает, – писал Розенберг, – когда гуманистические идеалы... препятствуют праву господствующей расы управлять теми, кто ей подчинен». Именно в немецком народе он видел расу, которую сама природа наделила истинным, мистическим разумом или, если воспользоваться его терминологией, «религией крови». Христианство, по его мнению, проповедовало упадочническую доктрину о том, будто представители всех народов обладают одинаковой душой. Розенберг же был абсолютно убежден, что германская раса вскоре докажет несостоятельность этой коварной и зловредной теории. Вместо мягкой и всепрощающей личности Христа, Розенберг создал идеал «могучей, земной фигуры», «сильного крестьянина»; именно этот образ Дарре, верный последователь Розенберга, и взял в качестве отправного пункта для духовного воспитания Гимmlера.

В работе «Кровь и почва» Дарре приводил свои доводы в пользу теории, согласно которой германская раса занимала привилегированное положение среди других арийских народов. Его аргументация основывалась главным образом на восхищении врожденным благородством немецкого крестьянина, чья кровь была столь же богатой и плодородной, как и почва, которую он обрабатывал. Добродетели этой породы были, по Дарре, столь велики, что он, не колеблясь, связывал будущее процветание Европы с выживанием нордической расы. Немцы должны плодиться и размножаться, писал он, покуда их великолепная белокурая молодежь не перевесит численно и не посрамит засевавших в городах коварных славян и евреев, чья кровь является подлинным ядом для человеческой расы¹.

Как мы уже упоминали, вся энергия Гимmlера в этот начальный период была направлена на решение теоретических и практических вопросов по реорганизации СС. В 1931 году Дарре присоединился к его штабу для организации так называемого управления расы и поселений (Rasse und Siedlungshauptamt, или R.U.S.H.A.). Оно было создано специально для разработки расовых стандартов, на основе которых можно было бы судить о принадлежности того или иного лица к истинно немецкой расе, а также для руководства поисками сохранившихся в Европе этнических групп, которые могли бы быть признаны германскими, и решения любых вопросов генеалогии проживающих в Германии или за рубежом лиц, в отношении которых

имеются расовые сомнения. Руководителем этого управления, влияние которого все усиливалось, Дарре оставался до 1938 года, хотя уже с 1933 года он являлся также рейхсминистром по продовольствию и сельскому хозяйству. Именно с его помощью были разработаны специальные отборочные тесты для невест эсэсовцев, которые были объявлены обязательными в печально знаменитом законе о браке для членов СС, датированном 31 декабря 1931 года и вступившем в действие уже на следующий день.

В преамбуле гимmlеровского закона о браке говорилось о важности соблюдения высоких стандартов крови в СС². Следовавшие далее пункты основной части внушали страх большинству неженатых эсэсовцев:

«Каждый член СС, который собирается вступить в брак, должен получить для этой цели соответствующее разрешение за подписью рейхсфюрера СС.

Члены СС, вступившие в брак, несмотря на отказ в выдаче такого разрешения, исключаются из членов СС; при этом им может быть предоставлена возможность расторгнуть брак, чтобы остаться в организации.

Разработка деталей прошений о браке – задача расового управления СС.

Расовое управление СС ведет Родовую книгу СС, в которую заносятся сведения о семье членов организации после получения ими разрешения на брак.

Гарантией полной секретности всех сведений является слово чести рейхсфюрера СС, руководителя расового управления и его специалистов».

Гимmlер завершил свой брачный кодекс таким вызывающе цветистым пассажем:

«Для СС ясно, что принятие этой директивы является важным шагом вперед. Насмешки, презрение и непонимание нас не трогают; будущее принадлежит нам!»

Брачный кодекс Гимmlера обязывал каждого члена СС, желающего жениться, предварительно заручиться свидетельством о расовой принадлежности невесты, чтобы чистота арийской породы, которую он представляет, сохранялась и в его потомках.

Управление вело родословные на всех членов СС, каждому из которых выдавалась так называемая «клановая» книжка (Sippenbuch)³, где, кроме сведений об арийском происхождении, было записано его право и обязанность сочетаться браком с избранной женщиной и иметь от нее детей. От невесты и ее родителей требовалось доказать, что они физически и психически здоровы; молодую девушку к тому же тщательно обследовали врачи СС на предмет удостоверения ее способности к деторождению. Арийское происхождение каждой женщины, желавшей выйти замуж за члена СС, устанавливалось вплоть до 1750 года; за этот период среди ее предков не должно было быть ни славян, ни евреев и никаких иных представителей низших рас.

Позднее Гимmlер основал ряд школ для невест эсэсовцев, в которых, помимо политического образования, девушек обучали ведению домашнего хозяйства, гигиене родов и принципам воспитания будущих детей в истинно нацистских традициях.

Этот возмутительный и бесчеловечный кодекс лег в основу будущей расовой политики Гимmlера, и то, что вначале казалось некоторым его коллегам всего лишь нелепицей, очень скоро стало тем ядовитым корнем, из которого произросла практика принудительной эвтаназии и геноцида тех, кого он не считал чистокровными немцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.